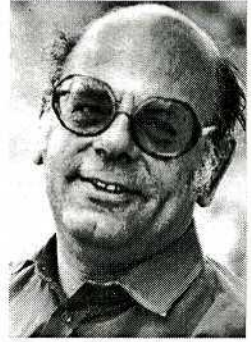

ПЕРСОНА

Шинель

Э.Ю. Соловьев

Э.Ильенкову, А.Зиновьеву

На факультете пропадали
Послевоенные мальчишки,
И пропадали их медали
И их снобистские замашки,

Но в раздевалке, где висели
Послевоенные пальтишки,
Вдруг появились две шинели, —
Шинели Эвальда и Сашки.

Они по опыту отцы нам,
По складу — старшие братишки.
Они свободы образцы нам
Перед лицом муштры и слезки.

Иные шутки зазвенели,
И начались иные книжки.
И в семинарах под шинелью
Созрели крепкие орешки.

Мы были в бурсе лицеисты,
Самоуправные студенты,
Земного бога атеисты
И трудоголики в шарашке.

Внутри марксистской цитадели
До диссидентства диссиденты
С тех пор как вышли из шинели, —
Шинели Эвальда и Сашки.

Март 1999 г.

«В поисках смысла, с заботой о форме и стиле»... Интервью с Э.Ю. Соловьевым

И.Б. Фан

Самое краткое определение Мераба - человек, который не позволял себе и не умел говорить попусту», - так выразился Э.Ю. Соловьев в своей лекции в УрГУ, посвященной философии М.К. Мамардашвили. На мой взгляд, это может быть отнесено и к самому Э.Ю. Соловьеву. Его отточенная и изысканная философская стилистика,

своеобразный фанатизм в отношении к языку по достоинству оценены в России и за рубежом. Разные поколения читателей сходились в том, что тексты Э.Ю. Соловьева можно опознать (и отличить от многих других) просто по их «крепкой сделанности». Это признавали и интеллигенты 60-х годов, которых увлекли его статьи об экзистенциализме в «Вопросах философии», и читатели 70-х, знакомившиеся с первой в России

научной биографией Мартина Лютера, появившейся в серии ЖЗЛ, и философская аудитория 80-х, получившая, благодаря работам Э.Ю. Соловьева, возможность нового прочтения Канта.

Э.Ю. Соловьев - автор более 120 научных работ, опубликованных в России и за рубежом, один из самых цитируемых российских философов, специалист по истории западноевропейской философии. На сегодняшний день - главный научный сотрудник Института философии РАН, член редколлегии «Историко-философского ежегодника» (Москва), альманаха «Человек» (Москва) и международного журнала «Studies in East European Thought» (Фрибург). Участвовал во многих российских и международных конференциях по философии права (Германия, Франция, США). По приглашению Ю. Хабермаса выступал с докладами на философской секции Франкфуртского университета, читал лекции по этике Канта во Фрибургском университете (Швейцария). В Екатеринбург Э.Ю. Соловьев прибыл в качестве одного из участников Ресурсной группы Института философии РАН, осуществляющей программу поддержки кафедры истории философии УрГУ. Речь идёт о помощи в авторской работе преподавателей и аспирантов, о рецензировании монографий и учебников, подготовке совместных исследований, проведении конференций, чтении лекций. График пребывания Эриха Юрьевича в нашем городе был чрезвычайно плотным, и ему не легко было найти время для интервью.

- Эрих Юрьевич, для начала - несколько слов о Вашей уральской молодости и о том, как Вы пришли в философию?

- Я родился в 1934 г. в Н. Тагиле. В 1937 г. мой отец, мастер бандажного цеха Нижне-Тагильского металлургического завода, поляк по национальности, был репрессирован (10 лет без права переписки). Уже через год до матери дошли сведения, что его нет в

живых. Отчим, Ю.С. Соловьев, геолог, (в 70-е годы - один из лучших уральских специалистов по самоцветам), усыновил меня и был прекрасным отцом. Школьные годы прошли в Свердловске.

В ту тяжкую пору это был удивительный город, в который эвакуация забросила и высокие технологии, и наиболее квалифицированных рабочих, и значительную часть ленинградской, московской и киевской интеллигенции. Отважусь утверждать, например, что в Свердловске проживала тогда самая читающая молодежь планеты (соперничать с ним могли разве что Куйбышев и Ташкент).

Интерес к философии пробудила во мне русская литература и литературная критика, мировоззренческую широту которых доступно разъясняла наша замечательная учительница М.Я. Матвеева. Мысль о том, что философия должна стать моим профессиональным занятием, подсказал (пожалуй, даже внушил мне) молодой преподаватель логики Б.И. Шрагин*, выпускник философского факультета МГУ, близкий приятель Э.В. Ильенкова (в конце 70-х годов - один из ведущих московских диссидентов). В десятом классе, руководствуясь его советами, я прочел почти всю гегелевскую «Историю философии», а в июне 1952 г., закончив школу с «золотой медалью», отослал документы на Моховую, 11.

- Всё выглядит так, как будто философский факультет МГУ через Шрагина прямо-таки затребовал Вас к себе. А как он Вас встретил и принял?

- Первый год учёбы был чрезвычайно трудным. Шёл процесс над «врачами-убийцами», и над Москвой витало предчувствие новой волны репрессий. Однако вскоре после смерти Сталина на факультете начались живые дискуссии. Секрет философов-шестидесятников, которые тогда формировались, заключался в том, что они представляли собой парадоксальное «гибридное» поколение. За студенческой скамьей

сошлись «отцы» и «дети», которые по физическому возрасту различались всего лишь как старшие и младшие братья. Братья-отцы - это были те, кто прошёл опыт войны и уже имел немало жизненных сомнений в достоинствах советской большевистской системы. Назову имена А.А. Зиновьева, В.И. Коровикова, Э.В. Ильенкова, В.Ж. Келле. Э. Ильенков и В. Коровиков положили начало дискуссии о предмете и миссии марксистской философии. Они настаивали на том, что философия должна быть теорией знания и сознания, а прямое изучение реальной действительности надо предоставить конкретным наукам.

Руководство факультета добилось осуждения дискуссии. Ее инициаторы, заработав ярлык «гносеологов», были отстранены от преподавания. Но, как говорится, «процесс пошёл»: дискуссия обнаружила, что на разных курсах обретается немало нестандартно мыслящих молодых людей, которые теперь узнали друг друга и образовали долголетнее неформальное сообщество.

- Кто из преподавателей МГУ оказал на Вас наибольшее влияние?

- Прежде всего, это, конечно, Э.В. Ильенков, работавший и преподававший под негласным девизом «назад к Марксу». В первомарксизме он видел завершение немецкой классической философии. Для его учеников было аксиомой, что философия - это прежде всего основательное историко-философское знание. Вокруг Ильенкова сплотились такие известные в последствие философы, как Г.С. Батищев, Ю.Н. Давыдов, П.П. Гайдено, К.Н. Любутин. Немецкая классика и Маркс расположились в наших головах, как Ветхий и Новый Завет. Серьёзную роль в моей жизни сыграл В.Ф. Асмус, один из старейших профессоров философского факультета. В молодости он определился в качестве неокантианца. В советское время нишей внутри марксистской философии стали

для него занятия логикой, а также проблемами истории диалектики. В.Ф. Асмус был научным руководителем моей курсовой работы по Шеллингу и диплома, посвящённого эстетическим идеям молодого Маркса. Возможность заниматься подобной проблематикой открылась лишь в годы хрущёвской «оттепели». Благодаря хлопотам Валентина Фердинандовича, о которых мне долгое время ничего не было известно, я вошел в обновлявшуюся редакцию журнала «Вопросы философии» (поначалу - в должности машинистки). Ответственным секретарём журнала был в ту пору М.И. Сидоров, которого я определял для себя как «человека из породы Твардовских». В новой редакции, которую он собрал, сошлись совсем ещё молодые И.Т. Фролов, М.К. Мамардашвили, И.В. Блауберг, Н.Б. Биккенин, Н.И. Лапин. Такой плотности таланта на один квадратный метр производственной площади я уже не встречал больше нигде и никогда.

- Какую роль в Вашей жизни сыграла встреча с М.К. Мамардашвили?

- Уже первое знакомство с Мерабом (в начале 60-х мы были близкими друзьями) произвело на меня огромное и неоднозначное воздействие. Можно сказать, что он исповедовал в то время структуралистскую версию марксизма и видел в «Капитале» Маркса произведение, которое резко отделяет современную философию от классического, прежде всего немецкого, спекулятивного наследия. Это резко противоречило тому, что я усвоил в школе Ильенкова. Во мне происходила «крутая ломка»: в течение нескольких лет после первого успешного дебюта в 1958 г. я, по сути дела, просто не мог писать. В 1965 г. Мераб уехал в Чехословакию для работы в журнале «Проблемы мира и социализма». А я пережил своего рода «второе рождение» и опубликовал две статьи об экзистенциализме, исключительно понравившиеся

Мамардашвили. Это был откровенный протест против историцизма, - против культа истории, которая сама в себе разумна, сама знает, куда ей идти, и всегда находит для этого наилучшие средства. При этом история допускает огромные человеческие издержки, но оплачивает их последующими достижениями прогресса, так что любые раны оказываются залезанными. Я представил русскому читателю экзистенциализм как философию, которая ставит под сомнение эту прельстительную ложь. Люди должны все решать "здесь и теперь", и делают это тем лучше, чем меньше полагаются на гарантированный прогресс.

- В Вашей лекции в УрГУ, посвященной памяти М.К. Мамардашвили, Вы определили его философию как экзистенциальную сотериологию. В чём смысл этого определения?

- Сотериология - слово из теологического словаря. Оно имеет в виду теорию и практику душевного спасения. Мне представляется, что поздние работы М.К. Мамардашвили именно об этом. Традиционная экзистенциальная проблема - как человеку остаться самим собой, или обрести самого себя, достигает у Мераба наивысшего напряжения, - превращается в вопрос, как не умереть уже здесь, при жизни. Это заострение основной экзистенциальной проблемы могло произойти лишь в обществе тотальной духовной подвластности. Особый и чрезвычайно горький российский опыт позволил М. Мамардашвили стать мыслителем, оригинальным по западным меркам высокого философствования. Решающую роль в спасении человека от прижизненной смерти играют у Мамардашвили занятия философией и серьезнейшая работа над философским наследием, похожая по напряженности на работу теолога-экзегетика над священными текстами. На этом основывается "режим сознательной

жизни", обеспечивающий противостояние «духовной энтропии», то есть, разупорядочению и варваризации духовной культуры.

- Эрих Юрьевич, какие Ваши статьи, книги, идеи Вы считаете наиболее значимыми?

- Сразу замечу, что моё суждение по этому поводу не вполне совпадает с суждением моих читателей.

Литературная известность пришла ко мне в конце шестидесятых, после публикации статей об экзистенциализме в «Вопросах философии» и выступления на страницах опального «Нового мира». В последний год редакторства А.Т. Твардовского здесь появился мой очерк "Цвет трагедии (о творчестве Э. Хемингуэя)". В нём я продолжал спор с историцизмом. Либеральная интеллигенция очень хорошо приняла также статью "Личность и ситуация в социально-политическом анализе К. Маркса" («Вопросы философии», 1968). Статья обсуждала нравственные основы демократии и содержала множество рискованных аллюзий. Мне говорили, что в какой-то момент она сделалась настольной для Г.Э. Бурбулиса - выпускника вашего (свердловского) философского факультета.

Вторым литературным успехом была так называемая "тройственная" статья "Классическая и современная буржуазная философия" («Вопросы философии», 1972), где я выступил в качестве соавтора М.К. Мамардашвили и В.С. Швырева. Она предвосхитила современные дискуссии о модерне и постмодерне и на какое-то время стала неофициальным катехизисом для тогдашнего молодого поколения философов и гуманитариев.

Сам я более всего ценю свои работы о Канте: статьи в сборниках «Наука и нравственность» (1971). «Философия Канта и современность» (1975), а также последнюю книгу "И. Кант:

Взаимодополнительность морали и права" (1993). Широкого читательского признания она не получила (возможно, из-за весьма скромного тиража). А жаль! Здесь, в Екатеринбурге есть человек, который хорошо понял и оценил книжицу Соловьёва. Это - С.С. Алексеев. Я сожалею, что не смог встретиться с ним и хотел бы через ваше издание выразить ему признательность за внимательное отношение к моим этическим и философско-правовым усилиям. Это большая честь для меня.

Что касается идей, то, пожалуй, наиболее ценной из них я считаю своё представление о Реформации. В 1983 г., в книге «Философия эпохи ранних буржуазных революций» (под редакцией Т.И. Ойзермана, В.М. Богуславского, Н.В. Мотрошиловой и моей) мы с историком Д.Е. Фурманом сделали попытку разъяснить духовно-историческое значение европейской Реформации, затенявшееся сперва нашей церковно-православной, а затем марксистской литературой. Реформация - не просто событие в истории религии, это грандиозный социокультурный переворот, в ходе которого родилась народная книжная культура (она начинается с Библии, переведённой Лютером на немецкий язык), новая (герменевтическая) рациональность, профессиональная и предпринимательская этика, трезво-профанический взгляд на государство, раннебуржуазное правосознание. В своих последующих публикациях и лекционных курсах (это, собственно, и есть "моя идея" в тесном смысле слова) я пытался показать, что в XVI-XVII веках - ещё до Просвещения, до модерна - Западная Европа нашла цивилизационную форму, в которую затем сумела заковать "дикий капитализм". Вряд ли нужно объяснять, насколько интересна эта проблема для сегодняшней России.

- Понятие "форма", как Вы его сейчас употребили, напомнило мне лекции Мамардашвили о Канте. Мераб Константинович специально

подчёркивал там, что форма - это больше, чем оформление: это то, что формирует.

- Совершенно верно. Такое понимание формы восходит ещё к Аристотелю. Разъясняя его, Мераб, уроженец Грузии, использовал образ обруча, скрепляющего бочку. Форма - то, что держит: содержание - содержимое. Форма по Мамардашвили - это "держава". Держава сознания в его отношении к потокам бытия.

Так вот, особенностью новоевропейской культуры со времён Реформации является то, что её держава - это неотчуждаемые права личности (права человека), профессиональная и предпринимательская этика, "вексельная честность", контрактное деловое товарищество. Наличие этих - и ещё некоторых других - позднехристианских цивилизационных форм не дало рыночным стихиям разрушить Новую Европу, в отличие, скажем, от древней Месопотамии, древней Греции, древнего Рима, которые пали под ударами демонов наживы.

- Какое философское направление Вам наиболее близко?

- В философии я кантианец, вернее, пытаюсь быть кантианцем, насколько это для меня возможно: "кантианство" - высокий философский чин, и не мне самому судить, заслужил ли я его. Философствовать для меня - значит догадываться и открывать, как Кант решил бы ту или иную неизвестную ему проблему. Это не мешает мне не соглашаться с некоторыми решениями, которые Кант нашёл для известных ему проблем.

- Кого из современных философов Вы бы поставили в первый ряд выдающихся мыслителей?

- Самым значительным философом XX века считаю К. Ясперса; в последней четверти столетия выше всего ставлю Ю. Хабермаса, Р. Рорти и

М.К. Мамардашвили. Благодарю судьбу за то, что со всеми тремя мне довелось быть знакомым лично.

- Эрих Юрьевич, в своих публикациях 60-70-х годов Вы почтительно, порой, восторженно относитесь к Марксу и некоторым его последователям. Когда и как изменилось Ваше отношение к марксизму?

- В середине 70-х годов я был потрясен «Архипелагом ГУЛАГ» и другими сочинениями А.И. Солженицына. Это подпольное чтение окончательно и навсегда выбило меня из марксизма, заставило внутренне отречься не только от Ленина, но и от Маркса, мстительному гуманизму которого я служил сперва увлеченно, а затем ригористически. Чтение Солженицына привело меня также к твердому убеждению, что российское общество заслуживает долгого и тяжкого исторического наказания за большевизм, которое не исчерпывается даже потерями, понесенными нашим народом в отечественную войну. Тяготы и гнусности постсоветского времени угнетают меня, как и многих моих соотечественников, но никакого исторического возмущения российской современностью, никакой необывательской ностальгии по прошлому я не испытываю. Историческое покаяние (я бы предпочёл выражение «раскаяние»), возможно, в том и состоит, чтобы признать нравственную законность нынешнего имперско-национального упадка и не дать себе обезуметь в исторических негодованиях. Долготерпение, которое русский народ веками даровал власти, пора бы отдать новым конституционно-правовым основаниям нынешней политической системы и усилиям самоуправления. В этом мне видится суть современного христианского покаяния (или, по крайней мере, его категорический минимум).

- Ваши мысли нередко перекликаются с идеями советских диссидентов. Были ли Вы среди них?

- Я никогда не выступал в качестве диссидента. Но некоторые мои статьи были, несомненно, созвучны поднимающемуся правозащитному движению. Такова прежде всего статья, опубликованная в 1975 г. в сборнике «Философия И. Канта и современность». После неё и в 80-х, и далее в 90-х годах я регулярно занимаюсь философией права. Сквозная тема моих исследований – значение правового идеала в эпохи модернизации и демократических преобразований. Спецкурс, который я только что прочел на философском факультете УрГУ, был посвящён истокам, генезису и смыслу прав человека.

- Эрих Юрьевич, Вы не раз принимали участие в дискуссиях о пути развития России, известна Ваша позиция на этот счёт. Можете ли Вы выделить какую-либо политическую партию, деятельность которой, на Ваш взгляд, отвечает потребности общества в развитии гражданского сознания россиян и соответствует Вашим убеждениям?

- Ни одна из политических партий, существующих в современной России, ни одна из её властных структур не вызывает у меня уважения и доверия. Мой предельно скромный оптимизм ныне, как и прежде, связан с российским правозащитным движением. Успехи последнего ещё могут, я думаю, стать весьма ощутимыми. Но для этого необходимо выполнить ряд условий. Во-первых, решительно отказаться от каких-либо притязаний на власть и терпеливо осваивать культуру массового ненасильственного сопротивления, как она очерчена, например, гандизмом в Индии. Второе – это работа по правовому просвещению народа. Это развитие контактов с неполитическими, сколь угодно мелкими, институтами формирующегося гражданского общества (начиная с обществ защиты потребителей, кончая сельскими кооперативами и ячейками

экологического движения). Третье – решительная и постоянная поддержка независимой судебной власти, регулярная помощь гражданам в формировании и отстаивании их правомерных судебных исков, изнурительная, но действительно необходимая для России практика и культура сутяжничества.

- *Сегодня налицо повсеместная политическая апатия и господство над умами усталого и самого примитивного экономического материализма. Какой идеал мог бы вывести людей из этого пассивного состояния?*

- Идеал гражданской низовой активности XXI века я вижу во всероссийской правозащитной стачке, сколь бы незначительным не выглядел её повод по социально-экономическим или политическим критериям.

- *Какова, по Вашему мнению, роль философии в нынешней России?*

- Самыми важными для современной философии считаю способности, которыми сам, увы, не обладаю, а именно – семантико-логическую культуру и снобистски беспощадную логическую иронию. Россия захлестнута мутным потоком псевдофилософствования (астрология, уфология, парапсихология, антропософия, теософия, историософия, этнософия и т.д.). Россия вконец сдуревает, если квалифицированная часть научного и философского сообщества не преградит этот поток прочным критико-аналитическим щитом. “Задача

философа не в том, чтобы как можно больше знать, а в том, чтобы как можно меньше обманываться”, – сказал когда-то Ортега-и-Гассет (кстати, в книге, посвящённой Канту). Прекрасно сказал!

- *Как должен работать философ в нынешних условиях свободы слова и печати?*

- Свобода слова и печати предрасполагает к графомании. Современный философ должен очень много размышлять, достаточно много писать для себя (“в стол”, совершенно не заботясь об архиве, который попадёт в руки потомков). Но что он может позволить себе крайне редко – так это публиковаться. В условиях свободы печати надо терпеливо годить с опубликованием, беспощадно выбраковывая все недоделки и изнуряя себя заботой о форме и стиле, – о хорошем аргументе. Ни одна фраза в философском тексте не должна быть холостой!

Мне бы очень хотелось, чтобы идеалом для молодого философа, вступившего в XXI век, был маленький ренессансный шедевр. – Чтобы перед его умственным взором витал какой-нибудь Бенвенуто Челлини, – скульптор-ювелир. Я полагаю, что имею некоторое право на формирование такого наказа. Видит Бог, я никогда не тешил себя иллюзией, будто творю нечто вечное (работаю “на нетленку”), но в меру моих сил я всегда стремился к тому, чтобы то, что вышло из-под моего пера и завтра запахнет типографской краской, отвечало критериям старой ремесленной добросовестности.

* Поистине – мир тесен! Сегодня сын Б.Шрагина – Илья, – известен как герой США, который 11 сентября 2001 г., будучи в одном из зданий Всемирного Торгового центра в Нью-Йорке, за 21 минуту до второй террористической атаки успел вывести свой отдел с 68 этажа разрушающейся башни (удар самолета пришелся на 72-й этаж).